

Л. В. БАЖЕНОВ — *Средняя Азия в древний период* (между шестым и вторым веками до нашей эры). Узбекистанский научно-исследовательский институт марксизма-ленинизма при ЦК КП(б) Узбекистана. Изд. Уз. ССР. Ташкент, 1937, 80 стр.

Нам уже пришлось в предыдущем номере «Вестника древней истории» подчеркнуть крупное место, которое Средняя Азия должна занять в создаваемой коллективными усилиями советских историков древней истории нашей родины. Отсутствие сколько-нибудь удовлетворительных сводок по древней истории Средней Азии ставило и ставит преподавание истории СССР в трудное положение. Этот крупный пробел в нашей исторической литературе особенно, конечно, ощутим в самих Среднеазиатских республиках. Поэтому нельзя не приветствовать выход в свет брошюры тов. Баженова, являющейся первой попыткой заполнить этот пробел и дать, в доступной для широких кругов читателей форме, очерк древней истории Средней Азии, хотя и ограниченный автором четырьмя веками—от ахеменидского завоевания (VI в. до н. э.) до окончательного падения власти Селевкидов в Средней Азии (начало II в. до н. э.).

Соответственно этому, материал распределен автором между четырьмя главами: I—«Сведения о древнейших обитателях Средней Азии», где автор, опираясь по преимуществу на свидетельства античных авторов (Геродота, Страбона, Помпея Трога, Диодора Сицилийского), но привлекая и археологический материал (Анау, разведки Г. В. Григорьева в долине Чирчика), пытается воссоздать картину хозяйственного и общественного уклада народов Средней Азии в описываемый период; II—«Персидское завоевание и его последствия»; III—«Поход Александра Македонского»; IV—«Возникновение первых самостоятельных государств на территории Средней Азии»; в этой последней главе автор рисует распад монархии Селевкидов и образование на территории Средней Азии Парфянского и Греко-Бактрийского царств.

Как указано в редакционном предисловии, «работа не претендует на полный охват изучаемого периода и не дает исчерпывающего ответа на многие вопросы о древней истории Средней Азии, как-то: о первых политических союзах и государственных объединениях, об этнических группах, населяющих Среднюю Азию, о месте и значении рабства в социально-экономической структуре Средней Азии и т. п.». Хотя автор, конечно, имел полное право ограничить себя хронологически и тематически, но все же нельзя не пожалеть о том, что как более ранний, так, особенно, более поздний период древней истории Средней Азии остался за пределами этой первой попытки обобщить данные о древнейших исторических судьбах народов наших Среднеазиатских республик.

Досадно, что автор в своей попытке реконструкции древнейшего общественного строя Средней Азии совершенно не использовал такого первоклассного исторического источника, каким является Авеста, древнейшие части которой, особенно Гаты, вопреки тенденциозным попыткам новейшей буржуазной историографии перенести место их создания в Западный Иран, несомненно, восходят к доахеменидскому периоду и связаны с территорией Восточного Ирана и Средней Азии. Работа тов. Баженова весьма выиграла бы, если бы он использовал хотя бы классическую работу В. Гейгера «Ostiranische Kultur», которая, несмотря на большой срок, протекший со дня ее выхода, остается лучшей реконструкцией общественного быта древнейшей Средней Азии и смежных областей Ирана и Афганистана. Привлечение материала Авесты дало бы автору возможность несравненно убедительнее раскрыть процесс разложения родовой организации и формирования первых государственных образований в Средней Азии—процесс, который в изложении автора выступает не столько как результат внутреннего развития хозяйственных и общественных отношений народов Средней Азии, сколько как следствие воздействия со стороны ахеменидской Персии (см. стр. 28—29).

Не менее досадно, что изложение обрывается как раз на том периоде, который завершается окончательной победой растущей местной государственности, слагающейся на развалинах низвергнутой народными освободительными движениями почти четырехвековой власти иноземных завоевателей. Очень мало внимания уделено Парфии. Совсем не освещена история Греко-Бактрии после походов Антиоха III и, особенно — сакских государств и Кушанского царства, с которым связан подлинный расцвет среднеазиатской античности. Это тем более досадно, что этот период, тоже, к сожалению, характеризующийся крайней скудостью источников, — все же освещен, помимо античных, также и китайскими источниками, дающими особенно интересные сведения по общественному строю и историческим судьбам северо-востока Средней Азии (Кангюй—область Средней Сыр-Дарьи, Фергана, Семиречье). Более, чем предыдущий, этот период освещен и археологическими источниками (древний Термез, у-суньские могильники и др.)

Эта некоторая односторонность автора, связанного с определенным, достаточно узким кругом источников и умолкающего тогда, когда эти источники перестают говорить, составляет слабую сторону работы.

Нельзя не отметить также некоторой небрежности автора в терминологии и нередкой голословности, а иногда и неверности довольно ответственных утверждений.

Так, например, автор упорно пишет вместо Агура-Мазда (клинописен. *Auramazd*) — «Аура-Мейдзы», произнося почему-то вторую часть имени на китайский лад (стр. 10, 33). Напротив, антипода Агура-Мазды — Ангро-Майнью он столь же упорно называет Ариманом, употребляя эллинизированную форму. Надо было бы держаться либо авестийского, либо эллинизированного (Ормузд и Ариман) написания обоих имен. Эллинизированную форму автор принимает почему-то и для имени пророка Авесты, именуя его Зороастром, а не Заратуштрой (стр. 33).

Небрежность выступает и в написании имен областей Средней Азии, приводя которые автор ссылается на Авесту (стр. 10). В Авесте Бактры называются не Богдо, а Бâхди, Хорезм — не Хоразмия, а Кâиризем и т. д.

Почему-то о Бактрии говорится как о городе (стр. 20), между тем, как термин Бактрия (*Bactria*) принят в литературе для страны, а город именуется в соответствии с античными источниками — Бактра (*Bactra*) или Бактры.

Вероятно опечаткой или опиской является наименование в цитате из Геродота (между прочим, в ссылке вместо III, 117, стоит III, 17) гирканиев (*Γιρκάνιοι*) «гиркамиями», сарангов (*Σαράγγι*) — «Сарамгиями» (стр. 27).

Неточно, что «в IV и III вв. до н. э. Бактрия носит название страны тысячи городов» (стр. 32); этот эпитет употреблен Помпеем Трогом при описании событий середины III в.

Неточно, что «оссуарии характерны для зороастризма»; они представляют специфическую особенность именно среднеазиатского зороастрийского погребального обряда.

Мало употребительным примером представителя бактрийской аристократии является «бактриец» Бесс (стр. 29), который, вероятнее всего, был персом — за это говорит и отмечаемая самим тов. Баженовым (стр. 19—20) традиция Ахеменидов ставить сатрапами Бактрии своих ближайших родственников и также приводимое тов. Баженовым (стр. 30), но недостаточно им продуманное свидетельство источников о родстве Бесса с убитым им Дарием.

Очень смелым является утверждение, что «в то время Аму-Дарья впадала в Каспийское море» и Хорезм занимал «всю территорию от Аральского моря до Красноводска» (стр. 18).

Вопрос о впадении Аму-Дарьи в Каспийское море остается в науке дискуссионным. Весьма вероятно, что древние имели дело с тем же Узбоем, что и мы, но, возможно, несколько более многоводным. На это указывает, в частности, рассказ Геродота о со-

рока устьях (рукавах) среднеазиатской реки Аракса, одно из которых впадает в Каспийское море, а остальные «впадают в болота и лагуны» (Геродот, I, 202), — рассказ, который может быть приурочен только к аральской дельте Аму-Дарьи и Узбою.

Во всяком случае, состояние источников не дает тов. Баженову права высказываться с такой категоричностью, как он это делает.

Совершенно голословно утверждение, что «персидские сатрапы (в Средней Азии), обзаводясь хозяйством, обрабатывали его при помощи труда рабов» (стр. 28) и что «племенные вожди... тоже в этот период обзаводятся собственным хозяйством, построенным на рабском труде, и эксплуатируют подвластные им общины» (стр. 29). Все это очень правоподобно, но, к сожалению, пока недоказуемо, что и обязывает автора держаться более осторожных формулировок.

Непонятно, чем руководствовался автор, говоря, что «всего в Персидской монархии было 32 сатрапии» (стр. 25). По Геродоту их было 20, Бегистунская надпись перечисляет 23 «страны», Персепольская—24, Накширустемская—28.

Несмотря, однако, на все эти досадные погрешности, работа дает много полезного для читателя. Особенно удачен очерк о завоевании Средней Азии Александром (стр. 37—63). Автор правильно характеризует основные этапы завоевания, давая вполне убедительное истолкование изменению отношения населения и, в частности, согдийской аристократии, к завоевателям (стр. 43—45) и изменению политики Александра по отношению к восставшим (стр. 55—56).

Однако и здесь нельзя не отметить весьма произвольного толкования бегства Бесса из Бактрии (стр. 42), как своего рода тактического отступления, рассчитанного на то, чтобы увлечь Александра в пустыню и развернуть партизанскую войну. Здесь сказывается уже отмеченная нами выше ошибка тов. Баженова, видящего в Бессе представителя местной аристократии. Действительный ключ к пониманию событий дает именно тот факт, что перс Бесс, пытавшийся под именем царя Артаксеркса из Бактрии восстановить ахеменидскую державу, не мог встретить в Средней Азии никакого сочувствия и поддержки.

Сам же автор на стр. 34—36 правильно подчеркивает ту борьбу, которую Маргиана, Парфия, Бактрия и кочевые среднеазиатские племена вели против персов на всем протяжении периода ахеменидского владычества. Этим объясняются и бегство Бесса из Бактрии, и распад набранной им армии, и те обстоятельства, которые сопровождали его захват в плен македонянами, нейтралитет, скорее благожелательный по отношению к Александру, со стороны согдийских вождей, пока они не увидели, что Александр не только не разрушает государственного аппарата ахеменидской империи, но прибавляет к ненавистному персидскому игу еще более жестокое иго греко-македонской военщины.

Несмотря на отмеченные недочеты, книжка тов. Баженова должна быть оценена, как положительное явление.

Автор дал достаточно убедительную и яркую картину борьбы древних народов Средней Азии против иноземных—сперва персидских, затем македонских—завоевателей, в основном верно, хотя и односторонне, показав путь, которым народы Средней Азии шли от родового строя к созданию самостоятельных государств. Остается пожелать, чтобы инициатива УзНИИМЛ, издавшего эту книжку, не ограничилась ее выпуском, и вопросы древней истории Средней Азии получили дальнейшее исследовательское и популярное освещение в печатной продукции института.

*С. Толстов*